

Затем он погладил ее по коже большим пальцем и небрежно спросил:

– Слышал, ты нашла старого слугу своей семьи?

Спина Чу Нин напряглась. Она сразу же поняла, что он говорит о Фане. Ей не нужно было гадать, откуда он об этом прослышал. В последние два года, хотя он и позволял Чжао Яньчжоу помогать ей в поисках разбежавшихся родственников и слуг, приказывал своим людям приглядывать за ними. Почти все новости, что она получала, уже были ему известны.

Раньше ей казалось, что он просто параноик и боится вдовствующей императрицы. Но теперь наконец все поняла. Она знала, что он хотел уничтожить всякого, кто мог бы знать правду о случившемся, прежде чем эта правда станет известна ей.

Неудивительно, что за последние два года она не смогла найти никаких других родственников, кроме двух маленьких кузин.

Она слегка кивнула, и в ее глазах показалась печаль.

– Я нашла старого дворецкого, служившего моей семье. К сожалению, он слишком стар и в последние два года претерпел в Цяньчжоу немало страданий. Когда я его нашла, он был очень болен и растерян. Он даже не сумел узнать смотрителя Чжао. Сейчас он находится в резиденции Ен Чанфая. Боюсь, он никогда не поправится.

В ее словах не было ни крупицы лжи, поэтому она не боялась, что Сяо Ю попытается выяснить, так ли это. Что же до письма, написанного Фанем, то она намеренно спрятала его от дворецкого.

Фан заболел полгода назад. Тогда, должно быть, понимая, что его дни сочтены, он поспешил составить это послание. Все это время он держал письмо рядом с собой, никому не показывал и защищал его ценой собственной жизни. Тем временем с каждым новым днем забывал все больше и больше.

Хотя он и забыл Чжао Яньчжоу, но все еще помнил единственную дочь Чу Цяньюя. Увидев ее, он ударился в слезы и сунул письмо к ней в руки. Затем поспешно объяснил ей, что произошло несколько лет назад. Потом, словно бы наконец избавившись от громадной ноши, полностью расслабился и впал в детство.

Сяо Ю не сказал ни слова, но бросил быстрый взгляд ей в глаза. Затем вздохнул, крепче обнял ее и сказал:

– Благодарение небу, что смотрителю Чжао удалось найти его. Иначе, возможно, он никогда не сумел бы вернуться. Нин, все это – моя вина. Прошло уже столько времени, но я по-прежнему не могу очистить имя твоего отца.

Чу Нин прижалась лицом к его груди и почувствовала, как холодна ткань, из которой была пошита его мантия. Она слабо покачала головой.

– Давай сначала решим проблему, стоящую перед нами. Мы можем разобраться с обвинением отца потом.

На улице была заложена запряженная лошадьми карета. Они вдвоем сели внутрь.

Ночной караул, окружавший Восточный дворец, никуда не собирался. На протяжении всего их пути во дворец Тайцзи по меньшей мере десять стражников отслеживали каждый их шаг. Это было ужасно угнетающе.

Сяо Ю сидел в карете, зажмурившись и сжав губы. Он не произносил ни слова, как будто целиком сосредоточившись на том, чтобы обуздать чувства. Карета остановилась у дверей дворца. Когда он вышел из экипажа, мрачное выражение его лица изменилось и снова стало утонченным и вежливым. Он был слегка бледен от усталости и легкой скорби из-за потери отца.

Церемонии похорон усопшего императора должны были состояться в зале Тайцзи, расположенном в центре дворца. Когда Чу Нин и Сяо Ю подошли к залу, большая часть родственников и министров умершего уже собралась. Все выстроились рядами перед ступенями, перешептываясь. Когда они заметили Чу Нин и Сяо Ю, их взгляды наполнились любопытством, насмешкой или жалостью.

Чу Нин выпрямилась и сосредоточилась на том, чтобы смотреть прямо перед собой, пока следом за Сяо Ю шагала вперед. Они встали впереди всех родственников и министров.

Как только они заняли свои места, она увидела более десяти полностью вооруженных императорских стражников, которые сопровождали юношу, быстро шагнувшего со стороны ворот Чжумин.

На вид юноше было около двадцати пяти или двадцати шести лет. Он был высоким, властным, широкоплечим и с прямой осанкой. Этот молодой человек – Чжао Кэжи, принц Цинь и наследник престола.